

Еще до выхода роман Гузель Яхиной «Дети мои» был обречен на разговор при включенных громкостях раскрутки. На ажиотаж вокруг него. Двойной удар был подготовлен еще не забытыми страстями по поводу дебютной книги автора «Зулейха открывает глаза», а также «Тотальный диктант» запустил массированную промоакцию. Это то, что называется «агрессивный маркетинг», когда «Тотальный диктант» легко перерастает в пиар-диктат. Кстати, если верить «Википедии», то сама Гузель Яхина долгое время в Москве работала в сфере PR, рекламы, маркетинга. Много у нас писателей – профессиональных пиарщиков?..

В шоу-бизнесе так запускают звезд. Литература сейчас не такого уровня индустрия мозгопоражения, но продвижение книги и автора все-таки пытаются строить по лекалам шоу и по законам бизнеса. Вот и Гузель Яхина – литературная звезда, возникшая из ниоткуда и по легенде раскрутившаяся только благодаря своему таланту. «Проснуться знаменитым» – это о ней. Таков метод конструирования литзвезды. В анонсе новой книги о ней пишут как о «самой яркой дебютантке в истории российской литературы новейшего времени». Все это говорит о том, что ставки высоки. Сейчас она – «самая яркая дебютантка», а, например, после третьей книги будет презентоваться современным классиком и безусловным авторитетом, все к этому идет. Тем более что дебютную книгу благословила сама Людмила Улицкая, написавшая предисловие к «мощному произведению, прославляющему любовь и нежность в аду». Эту формулу можно применить и к «Детям моим», при этом заявив, например, что в новом романе автор подробно пред-

ставляет круги этого ада. Получается, что эстафетная палочка будущего властителя дум теперь в руках у Яхиной?..

Схожий ажиотаж сопровождает, к примеру, книги Евгения Водолазкина. Но он все-таки ученый-медиевист, и в литературные дебютанты его записывать что обидеть. Поэтому сразу – классик и духовный авторитет. Кстати, его роман «Лавр» постоянно вспоминаешь при прочтении «Детей моих».

Критики в растерянности. Это видно по первым рецензиям. Все-таки перед нами звезда, но не Ольга Бузова. Критики и не лайкают, но и дизлайки не ставят, выжидают. От бурных аплодисментов воздерживаются, отмечая, что «Дети мои» сильнее дебютного романа, но и ругать особенно не знают за что. Настораживает еще предстоящий и вполне очевидный на пиар-дрожджах читательский успех. Другой вопрос: настолько он будет долгоиграющим, но книга на какое-то время обернется горячим пирожком. Все это грозит критику со своими критическими брюзжаниями быть непонятым читательскими массами, а потому для подстраховки с этими брюзжаниями решили повременить, дожидаться подходящего ветра, иначе можно персидской княжной выпасть из тренда, и поминай как звали. Смелость сейчас не в чести, поэтому больше дипломатии. Вот и Павел Басинский в своей рецензии в «Российской газете» ничего конкретного по книге не смог сказать, отметил только, что есть все шансы стать бестселлером. Не очень-то и хитрое дело в эту воду глядеть...

Чтобы узнать мнения о «Детях моих», соответствующий вопрос вывел в «Фейсбуке». Основная масса высказываний сводилась к тому, что автор попала в формат и перед нами проектная литература.

Вот некоторые высказывания из тех, кто откликнулся. «Яхина сценаристка, она и книжки собирает как коммерческое кино. Это работает, в принципе, но потом остается ощущение обманутости – вроде как покупал хлеб, а съел почему-то пончик», – прокомментировала питерский критик Наталья Курчатова.

«Остается ощущение как будто семечек переел. Язык какой-то душевный, что ли, непопадание в ноты, будто все от начала до конца написано не теми словами», – Наталья Романова.

«Всегда это было. Посмотрите тиражи “Барона Бромбеуса” или Надсона в соотношении к прижизненному Пушкину. Вещь банальная, повторяющая прописные истины быстрее доходит до ума и сердца читателя, а издатели тут как тут со своими инструментами продвижения. Относиться к этому предлагаю философски», – Ольга Погодина-Кузьмина.

Если уж использовать термин «проект», то я бы от себя добавил определение «филологическая проза», которое вполне себе укладывается в понятие этого самого проекта.

Отошло то время, когда филологическая проза – это был особый эксперимент-ребус, таинственный шифр, своеобразный лабиринт Минотавра, по кругам которого водит оглушенного и с диким взором смотрящего по сторонам читателя высокоумный автор-демиург. В целом это была аутичная мертворожденная проза для узкого круга, жаждущих войти в число посвященных и заполучить отмычки тайн.

Сейчас филологическая проза – совершенно иное. Это профессиональная литература, и предназначена она для широкого круга читателей. Для тех, кто хочет умильную и сентиментальную картинку посмотреть, сказочку услышать и историю слезливую и бьющую на эмоции.

Также рассчитана она и на читателя с претензиями интеллектуального порядка, который мнит себя за элитарного. Здесь важно сыграть на чем-то знакомом, вшить нити аллюзий, которые такого рода читатель с радостью ухватит и начнет разматывать и наматывать на клубок в формате сизифова труда. Подобная литература очень удобна для анализа, стоит потянуть за любую ниточку-образ, и готовый образчик ходовой бижутерии получится. Его можно легко за что-то выдать, так как подобная литература – вторична. Сама по себе она не самодостаточна, является намеком на что-то большее. Кому-то и достаточно этих намеков.

В филологической прозе главное подкинуть пищу для подобной интеллектуальной медитации, которая станет самозабвенной и страстной. Это как и с читателем, ориентированным на жалостливую историю, – ухватив знакомое в филологической прозе, прогрессивный читатель будет благодарен автору и примет в свой круг. Поэтому и является филологическая проза эклектичной. Автору важно заманить читателя в свой темный лес, заставляя его там блуждать. Кстати, в своей рецензии критик Константин Мильчин отметил, что Яхина «пишет каким-то петляюще-волшебным стилем, который заманивает читателя, утапливает его в сюжете и в описаниях». Что ж не попытаться утопить читателя, если сюжет с утоплением автор использует в каждой из своих книг?.. Может, в этом и коренится волшебство стиля, которое привиделось Мильчину?

Другой важный момент для понимания: книги Яхиной – это «женская проза» (кстати, и откликнулись на мой вопрос в «Фб» представительницы прекрасного пола), а сегодня, как принято считать, главный читатель – женщины. Отсюда и идет мощное воздействие на эмоциональные читательские струны: будто булавочку автор воткнет и ковыряет в ранке, а то и соли обильно посыплет. Эмоции... Это движитель в литературе, особенно за неимением прочего. Другое дело, когда сталкиваешься с поддельными, формальными. В книге Яхиной переживаешь разве что за младенца, который остался на руках у главного героя, но кто за малыша не будет переживать?.. Все же прочее оставляет равнодушным, как что-то чрезвычайно искусственное и выморочное.

«Филологический фэнтезийный роман для филологических дев», – так отреагировала моя супруга, которую также испытал книгой.

Главный герой книги – школьный учитель Якоб Бах, незаметный и мало чем примечательный, но любивший бури и бури накликавший. Бах – представитель маленького народа – немцев Поволжья из колонии Гнаденталь. Время действия – грандиозное и переломное в истории России – первая половина прошлого века. Как пишет автор в начале книги, Баха «волновало... любое искажение привычного мира», поэтому он и является наблюдателем всего происходящего. Так получилось, что почти на двадцать лет ему удалось запереться от бурь времени на противоположном берегу Волги. Вначале со своей возлюбленной Кларой, потом с дочерью и с приблудившимся беспризорником. От мира он отстранился еще и потеряв дар речи. Пытался воздействовать на мир, изменить, придумывая сказки, но вслед за добрыми пошли страшные, зловещие, которые реализовывались в реальности.

Критик Галина Юзефович в своей рецензии употребила словечки для понимания феномена книги: «банальное». Юзефович пишет, что «на уровне идеи “Дети мои” опять сводятся к банальному “в любых обстоятельствах человек имеет шанс прожить собствен-

ную жизнь со всеми ее горестями, радостями, обретениями и утратами”». Этим словом можно охарактеризовать многое в романе. Таковы полностью главы с «вождем», которые вклиниваются великаном в мир маленьких людей. Совершенно одномерная сцена с игрой на бильярде, где к тому же появляется фюрер. Ну разве она не банальна? А сюжет, где Сталин просит зажарить наиболее активного и боевого карпа в бассейне, кормит его мясом стаю собак, которую затем отстреливает охрана, которой также не поздоровится за стрельбу?.. Так и видится глубокомысленность морально-учительных выводов заложенных автором. Но это даже более, чем банально. Банален и посыл, связанный с жизнью главного героя – маленького человека, будто можно отгородиться от большого мира до поры, но рано или поздно он сам придет за тобой. А разве поверхностное и вторичное может быть другим, не банальным?

Прозрачен и понятен образ детей, проходящий через всю книгу. Отсюда и сказки и фэнтезийный мир, в котором ключи для детских сердец и в тоже время определенные коды для внедрения в головы новой реальности, новых идей.

Дети – это и немецкие колонисты, к которым Екатерина Великая обращается «дети мои». Для них патриархальные сказки об обетованной земле Поволжья. Это и новые герои, пионеры, барабанщик и Анче с Васькой под крылом бывшего учителя Баха, со временем выбившиеся из-под него, – новые люди нового времени. Для них и сказки новые, и новое летоисчисление, да и девиз, который где-то в воздухе: мы рождены, чтоб сказку сделать былью. А между сказками водораздел – река, дно которой устлано трупами... Такова история, меняющая мир и изменяющая человеческое сознание для новых идей: «Вот он, главный наш враг: вбитые в голову слова, вбитые в голову мысли! Тысячи слов, крытых пылью и паутиной. Тысячи мыслей, настолько изветшалых, что они уже начали разлагаться внутри черепной коробки...» – говорил горбун с прекрасным лицом Гофман. Он, как и первые колонисты, приехал из Германии за мечтой, воодушевленный новой идеей, преобразующей мир. Для нее надо очистить головы от старых мыслей.

Отсюда и разделение на новое и старое, мир детей и взрослых, которые будто два противоположных берега реки: «Мир распадался надвое: мир испуганных взрослых и мир бесстрашных детей существовали рядом и не пересекались». По словам автора, «историю движут идеи», да и «революцию в России свершила идея». Идеи зашифрованы в сказках, через них они актуализируются в реальности. Осталось подыскать разгадку этих шифров. Вообще тут большой простор для интерпретаций. Почему не заглянуть в сокрытую от глаз механику идей, их потаенный сюжет? Как уже отмечено, для филологического романа как раз и важен намек на подобную интеллектуальную конспирологию, которая может ухватить и заблудить читателя. Поле для спекуляций тут просторное. Спекулировать для пушшего эффекта можно на многом, например, на теме малых народов, ставшей в последнее время достаточно модной. Да и время действия книги сейчас стало завлекательным для многих литераторов.

Подобного рода филологических произведений сейчас много в отечественной литературе. Каждое второе будто своеобразное горе от ума. Они так и остаются схемой, не перерастая во что-то большее. Филологические тексты наряду с идеологической литературой сейчас

и составляют основной массив художественных книг. Все они внешне добротны, но работают временно, на подзаводе, поэтому и необходима мощная пиар-волна, несущая своей движущей силой подобные тексты.

Случай Яхиной показал перспективность легенды об успешном дебютанте. Судя по всему, эту стратегию взял на вооружение издательский бизнес. Нам представляют своеобразный литературный лифт, создающий ажиотаж. Людям нравится подобная литературная мечта в стиле «проснуться знаменитым», и им ее любезно представляют. Есть в этом и элемент шоу. Но все это уже вопрос не творчества, а технологии. С этих же позиций следует оценивать и, например, роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Пока речь идет не о литературе, а о конструировании легенды. Читателю и предлагается жить этими легендами от одного премиального цикла до другого.